

Г. В. Длужневская
*кандидат исторических наук, директор Научного архива
Института истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург*

Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 гг. в фотодокументах Научного архива Института истории материальной культуры РАН

Организация русской экспедиции в Китай в 1874 г. была обусловлена снижением объемов торговли России, вызванным восстанием дунган в западных провинциях Китая и поисками новых рынков сбыта российских товаров. Экспедиция была снаряжена по согласованию трех министерств: иностранных дел, финансов и военного. Для ее финансирования от казны было получено 5 тыс. рублей, от «заинтересованного» купечества – 3 тыс., от торгового дома Родионова и вице-консула в Ханькоу (совр. Ухань) – 4 тыс., всего 12 тыс. рублей. Позже купечество добавило еще 7 тыс. рублей.

Задачи экспедиции заключались в изучении дороги из Зайсана в провинцию Сычуань и возможности ее применения в торговом отношении; в поиске мест для учреждения консульств, агентств и факторий; в получении сведений о дунганском восстании и выяснении политических судеб охваченных им провинций. Экспедиция должна была углубиться в самую середину Китая, посетить почти неведомые до тех пор места и вернуться в Россию путем, по которому проезд иностранцев китайским правительством не допускался или же разрешался весьма неохотно. Из Пекина путешественники проследовали по трассе, названной в 1877 г. немецким географом Карлом фон Рихтгофеном Великим шелковым путем для обозначения связей между дальневосточным и западным миром; название это стало в дальнейшем общепринятым. Великий шелковый путь начинался в районе г. Пекина (Бэйцзина) и далее вел на северо-запад страны к Дуньхуа – пограничному городу у Великой стены. Там он раздваивался на южный (через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв) и северный (через Турфан, Кашгар) пути, затем шел к озеру Зайсан. Учено-торговая экспедиция прошла по одному из маршрутов на два года раньше, когда этот путь еще не назывался Шелковым, и в какой-то мере члены экспедиции Ю. А. Сосновского были его «первопроходцами».

Экспедиция включала помимо ее начальника – полковника Генерального штаба Ю. А. Сосновского – офицера-топографа З. Л. Матусовского, доктора медицины П. Я. Пясецкого, отвечавшего за научную сторону экспедиции, переводчиков И. С. Андреевского и китайца Сюя, представителя чайной фирмы «Сю-хе-лун» в Кяхте. В конвой входили три казака Западно-Сибирского войска А. Павлов, И. Степанов и Н. Смокотнин. К участию в путешествии был приглашен фотограф А. Н. Э. Боярский. Это была, пожалуй, первая экспедиция с участием фотографа и подробной фотофиксацией путешествия. А. Н. Э. Боярский сделал около двухсот снимков.

Члены экспедиции выехали из Петербурга 14 марта 1874 г. Путь через Москву, Поволжье, Урал и Сибирь занял несколько месяцев. В начале июля они прибыли в пограничную Кяхту. Строительство города Троицкосавска началось после заключения Рагузинского трактата в 1727 г. На расстоянии трех километров от Троицкосавска образовалась торговая слобода – Кяхта, а в 250 м от нее – китайский торговый город Маймачин, где у китайцев находились постоянные склады чая, бумажных и шелковых тканей, изделий из фарфора. К середине XIX в. торговля достигла здесь наивысшего уровня. В отдельные годы через кяхтинскую таможню проходило до 150 тысяч ящиков чая.

Строения пограничного торгового города Маймачина – с фигурными крышами, высокими башнями ворот с раскрашенными драконами, столбами с золочеными шарами, обозначавшими место, где жил китайский начальник города – дзаргучей (рис. 1–3; здесь и далее приводятся ссылки на иллюстрации, помещенные на вкладке).

Далее маршрут пролегал через монгольские степи в Ургу. Миновав перевал, экспедиция увидела перед собой город, лежащий в обширной плоской долине, окруженной горами. Урга (совр. Улан-Батор) была основана в 1639 г. под названием Оргоо (Ставка) и располагалась к северу от священной горы Богдо-улы. В центре над низкой застройкой возвышались золотые, причудливых форм крыши дворца Хутухты, «Живого бога», Богдо-гэгэна, который до 1921 г. был духовным и светским правителем страны. После провозглашения в 1911 г. автономии Монголии его называли Богдо-ханом. Куполообразная крыша отмечала храм бога Майдари (монгольское название Майтрейи, Будды грядущего, мессии), а верхушка огромной юрты – ламское училище. Русское консульство находилось примерно в полукилометре от города. Для него в 1863–1865 гг. был построен двухэтажный дом и посажен сад. При консульстве были устроены православная церковь и почтовая контора.

Перед Калганом, первым городом за Великой китайской стеной, куда путешественники отправились из Урги, они увидели невысокий каменный вал и многочисленные более-менее сохранившиеся четырехгранные башни. Стена вилась бесконечной змеей по вершинам гор. Китайцы называли ее Вань-Ли-Гань-Гэгь, что означает «Стена в десять тысяч ли в длину». На этом участке она была полностью сложена из кирпичей, залитых известью. Такую конструкцию стена имела не на всем своем протяжении: кое-где она походила на невысокий земляной, развалившийся от времени забор (рис. 4).

Бэйцзин (Пекин) переводится с китайского как «Северный двор». Город окружала высокая стена, имевшая 16 ворот. Вдоль нее тянулся ров с мостами для проезда. Вторая стена была сооружена вокруг так называемого Императорского города, т. е. центральной части Пекина. Третья стена ограничивала часть Бэйцзина, именовавшуюся Запретным городом. За ней скрывались дворцы и сады Сына Неба – китайского императора. Ныне Запретный город, опоясанный красной стеной, является огромным историко-культурным музеем.

Русская колония в Пекине состояла из двух подворий: посольство занимало Южное подворье, а духовная миссия – Северное. Во время остановки в Пекине члены экспедиции посетили русское кладбище, побывали на мосту через реку Ху-Чэнь-Хэ («Охраняющая город река»), известном у европейцев под названием «Мост нищих», осмотрели Храм Неба – комплекс построек, куда входили Жертвенник Небу, Храм августейшему Небу, Храм моления об урожае и Дворец душеспасительного очищения. Жертвенник представлял собой круглое многоярусное возвышение с террасами и верхней площадкой, обнесенной мраморными перилами с 360 столбиками, по числу градусов небесной сферы. Здесь ежегодно, накануне зимнего солнцестояния, император совершал великое жертвоприношение и представлял Повелителю Неба доклад о состоянии мира и течении дел. Это была одна из самых важных церемоний в Китае (рис. 5–7).

Фотограф А. Н. Э. Боярский запечатлел загородные дворцы императора в Вань-Шеу-Шань на холмах вблизи озер и монастырь Сянь-Шань, при котором находились увеселительные дворцы, а также множество сцен уличной жизни столицы Поднебесной (рис. 8, 9).

Покинув Пекин, путешественники добрались до первой судоходной реки – Вэйхэ. Лодки (две) были куплены заранее. Нос и корма у китайских пассажирских лодок и грузовых барж высоко задраны, а середина палубы, напротив, глубоко вдавлена. В движение они приводятся при помощи как

шестов, так и парусов. На лодках жили словно в домах: пищу готовили в особых печах, мусор выбрасывали прямо в реку, речную же воду использовали для приготовления пищи. На третий день пути лодки пришли в город Тяньцзинь, и экспедиция на пароходе «Шаньдун» отбыла в Шанхай. Пароходы китайцы называли «лодками с огненными колесами».

В Шанхае путешественники увидели множество необычных для европейцев общественных заведений: общественные спальни, бани, опиумные курильни, в которых на лежанках, покрытых войлоком, размещались посетители (рис. 10).

Из Шанхая члены экспедиции отправились вверх по реке, которую китайцы называли «Сын Океана» – Янцзы (Чанцзян), и прибыли в г. Ханькоу (совр. Ухань) провинции Хубэй. В этом городе находилась большая русская колония, обязанная своим существованием чайной торговле. Фабрика, принадлежавшая Черепанову, размещалась в каменном сарае без потолка, но с крышей. Одно отделение сарая было завалено бамбуковыми ящиками с деревянными формами, предназначенными для изготовления чайных кирпичей. Здесь же стояла прессовальная машина. Вне здания размещалась печь для распаривания чая – котлы с водой, накрытые бамбуковыми решетками и дополнительно – для сгущения пара – бамбуковым колпаком. Здесь же лежали формы, в которые засыпали чай. Распаренный, размягченный чай высыпали в форму, закрывали ее крышкой и подавали к прессу. При точном расчете и слаженности действий четырех человек этот несовершенный агрегат прессовал до 6 кирпичей в минуту. После формовки и высушивания кирпичи укладывали в ящики по 600 штук. Здесь выпускали «Лаоча» – большой, или обыкновенный, кирпич, и «Цзинчжуань» – столичный кирпич. Брикеты зеленого чая шли в Среднюю Азию и в Восточную Сибирь. «Мичжуань» – черный кирпич малого размера – расходился по всей Сибири. В другом отделении сарая лежали мешки с чаем, решета, корзины и веялки: здесь проводили просеивание, отвеивание, просушку и подкраску чая.

Чайные листья собирали трижды в год. Лист, снятый весной, содержал больше эссенции, сохранял прочность настоя и ценился особо. После вяления и высушивания получали черный или красный чай, меньшая степень поджаривания давала зеленый чай, а простое вяление на солнце – желтый. Едва развившиеся почки листа с белым пушком называли цветочным чаем; грубый чайный лист с ветками, а также остатки байхового чая спрессовывали и получали кирпичный чай. Собранные листья раскладывали на бамбуковые циновки и держали на солнце до тех пор, пока они (листья) не начинали блекнуть и становиться мягкими, а затем

брали пригоршнями и катали по столу, до сворачивания листьев в трубочки. После вяления и свертывания листья теряли первоначальный зеленый цвет и становились красно-рыжими. Их еще раз выставляли на солнце для удаления излишней влаги и окончательно просушивали в тени на воздухе, после чего листья приобретали ровный черный цвет.

Просушенные и проявленные листья чая относили к оптовым покупателям. Выбор чая осуществлялся посредством пробы, а число проб, производимых каждым торговым домом, доходило до 5 тысяч ежегодно. Жестянки с чаем помещали в пробную комнату, обшитую деревом и окрашенную черной краской. Чай высыпали на лоток и рассматривали его под высоко расположенным окном. Кроме лотка в комнате находились: стол с двадцатью или более одинаковыми фарфоровыми кружечками, вазы для выливания ненужного чая, весы для отвешивания равных порций чая и песочные часы для отслеживания времени заварки чая. Полученный настой наливали в чашки и пробовали, прополаскивая им рот. Подобными испытаниями мог заниматься только знаток, обладавший тонким обонянием и хорошей памятью на вкусовые ощущения.

После приемки чай окончательно засушивался или поджаривался. Во дворе устраивали гряды из древесного угля, делали в них лунки, над каждой лункой устанавливали бамбуковую корзину в виде двух усеченных конусов, соединенных вершинами; на нее укладывали такую же плетеную корзину с чаем. Процесс поджаривания длился примерно три часа, после чего чай просеивали через бамбуковые сита с ячейками разных размеров. Отсортированный чай поступал на отвеивание. Веялка состояла из двух ящиков: в верхний, со щелью, насыпали чай, а у нижнего располагалось колесо с лопатками, которым нагонялся воздух; получали три сорта чая, различающихся по удельному весу. Чтобы сформировать партию чая, сначала насыпали слой крупного чая, на него мелкого, среднего, самого мелкого и так далее. Затем чай готовили к транспортировке: смешивали в однородную массу и укладывали в ящики, выложенные мягкой бумагой, или в оловянные банки (рис. 11–14).

В Ханькоу путешественники нанесли ряд визитов местным представителям власти, а А. Н. Э. Боярскому посчастливилось заснять здесь фазы калечения женской ноги, что было невероятно трудно сделать, так как увидеть ноги китайки почти невозможно не только европейцу, но и китайцу (рис. 15).

Покидая Ханькоу, экспедиционеры пересели на три лодки, продвигавшиеся вверх по реке. При попутном ветре они шли под парусами, а без него – с помощью бурлаков.

С 24 на 25 января в Поднебесной встречали Новый год. Празднование этого события на реке показалось путешественникам восхитительным. Всю ночь на лодках сияли огни, хлопали шутихи и трещало поджигаемое сало.

Начиная с середины февраля экспедиция почти два с половиной месяца двигалась вверх по реке Ханьцзян (рис. 16).

Из г. Ханьчжуна провинции Шэньси караван, включавший 15 членов экспедиции, нескольких нанятых носильщиков и проводников, двинулся в провинцию Ганьсу. Экспедиция намеревалась перейти через хребет Циньлин в долину у города Ланьчжоу и по среднеазиатскому нагорью направиться к Тянь-Шаню. Долина еще недавно была местом боев китайцев с мусульманами, о чем свидетельствовали многочисленные разрушенные дома и большое количество новых могил на кладбищах.

Ланьчжоу, главный город провинции Ганьсу, как и многие другие, был разделен дополнительной стеной на внешнюю и внутреннюю части. Он был велик, богат, многолюден и напоминал лучшие районы Пекина. Река Хуанхэ протекала прямо через город. Берега ее соединялись плавучим мостом, удерживаемым не якорями, а канатами, укрепленными на берегу. На реке находилось водоподъемное колесо — довольно интересное сооружение, похожее на мельничные колеса, на которых закреплены бадьи, опрокидывавшиеся в желоб, принимавший воду. Единственное неудобство этого «водопровода» заключалось в том, что он не регулировался во время смены уровней воды в реке. Когда река мелела, воду наливали в желоб вручную (рис. 17).

Генерал-губернатор устроил для членов экспедиции показательные войсковые учения. С точки зрения европейцев учения эти более всего походили на театральную постановку и состояли в перестраивании войск по некоей системе. Все солдаты были ярко одеты, над строем реяло множество флагов. Огнестрельного оружия было мало, а имевшееся использовалось плохо. Китайцы не знали прицельной стрельбы и, по отзывам солдат, не понимали, зачем она нужна. Из пушек, которые возились за войсками по мере надобности на волах и мулах, стреляли исключительно холостыми зарядами: «иначе не мудрено и человека убить» (рис. 18).

Недалеко от города дорога пошла вдоль Китайской стены, но это уже был земляной вал, часто прерывающийся и не имеющий ничего грандиозного, кроме своей длины. Впервые путешественники увидели поселения, очень похожие на укрепления. Все они были обнесены вы-

сокими глинобитными стенами, над которыми по углам возвышались сторожевые башенки. Жизнь общины из нескольких семей была совершенно скрыта от посторонних глаз. У каждой семьи – свой особый двор, там же держали скот. По краю крепостной крыши был сделан глиняный парапет, в котором имелись отверстия для стрельбы; на крыше, также для обороны, лежали камни. Дверью в крепость служила тяжелая каменная плита. На наружном дворе хранились уголь, снопы пшеницы, разный сор, отгороженные друг от друга стенами. Вдоль дороги располагались пикеты солдат. Эти караулы имели назначение «живого телеграфа».

Большей частью путь пролегал по территории, разоренной войной. Дорогой стали попадаться люди, называвшие себя тангутами. Вскоре экспедиция прибыла в последний на пути город собственно Китая – Сучжоу (совр. Цзюцюань), разрушенный в 1872 г., а затем выехала в Аньсиньчжоу (совр. Аньси). Недалеко от Сучжоу находилась крепость Цзяюйгуань, занятая гарнизоном без какой-либо артиллерии. Крепость стояла на границе с пустыней Гоби. На юго-восток от нее расстилась обширная гладкая равнина собственно Китая, по которой вилась дорога в Сучжоу и тянулась по прямой линии отживающая свой век Великая стена (рис. 19).

Из крепости путешественники вышли в сопровождении отряда численностью 300 человек. До Аньсиньчжоу было девять дней пути. Немногие люди, попадавшиеся навстречу отряду, были одеты в меховые полушубки, что очень хорошо характеризовало здешний климат. Путь шел то по пескам, то по каменистой дороге, кругом были разрушенные селения, но уже с зачатками новой жизни. Одно из них носило название Мусульманская деревня. После голых почв появились сплошные солончаки. Подъехав к стенам Аньсиньчжоу, путешественники увидели горы песка, образовавшиеся около городских стен и достигающие их вершины, что весьма убедительно свидетельствовало о бывающих здесь песчаных бурях. Этот город был последним на границе с пустыней Гоби. Следовало сделать приготовления для перехода через пустыню, хотя китайцы уверяли, что и вода, и корм имеются везде, поскольку этой дорогой ездит довольно много людей. Тем не менее решено было взять корм для животных и воду для людей. Переход через Гоби обычно занимал 10–11 дней.

В середине августа экспедиция покинула город и через 10 дней действительно прибыла в Хами, преодолев дорогу через Великую пустыню, северным пределом которой является хребет Тянь-Шань (Небесный).

До Хами от него один день пути. Гоби, за исключением четырех оазисов, – необитаемая и бесплодная каменистая пустыня. Пески в ней встречаются отдельными островами. Пустынные колодцы – ничем не отделанные углубления, наполняющиеся водой снизу.

Хами отличался от других городов тем, что в нем жили мусульмане. Он состоял из трех частей: двух китайских – Лаочэн и Синчэн (Старый и Новый город) и мусульманской – Хуйчэн, населенной таранчинами. Самое интересное здесь – мусульманская часть города. Жители ее называли себя хамыллук, или таранчи. Люди большей частью красивые, в халатах или длинных широких рубахах ярких цветов; на голове – особые тюрбаны, расшитые серебром или золотом (рис. 20). Менее других зданий были разрушены храмы («гумбар», или «мэст-унт»). Минареты сделаны, как и все прочее, из необожженного кирпича желтовато-глинистого цвета, ничем не покрашенного и не выбеленного.

Следующим пунктом посещения был город Гучен. От Барколя до него шла прекрасная дорога – старинный, вполне благоустроенный тракт с периодически встречающимися вдоль него сигнальными маяками. Однообразные пейзажи иногда оживлялись табуном сайгаков или куланов. Город, как и все предыдущие, был разрушен во время восстания. Окрестности его однообразны: всюду пустая и неприветливая степь с желтоватой почвой и пожелтевшей травой. Единственное украшение невеселой картины – видневшаяся вдали гряда покрытых снегом Небесных гор (рис. 21).

В Гучене наняли проводника, который должен был провести экспедицию напрямик до Зайсана. Предприятие это было рискованным, поскольку этой дорогой кроме гуртовщиков никто уже не пользовался, да и те ходили в начале зимы, когда много снега и не надо беспокоиться о воде. Был предложен еще один маршрут: немного длиннее, но абсолютно безопасный – по Кобдинскому тракту. Однако Ю. А. Сосновский, желавший побыстрее начать торговлю хлебом, рассудил, что можно пройти и напрямую. Запасы в дорогу были сделаны наскоро и явно недостаточно хорошо. Надеясь на русское «авось», отряд тронулся в путь, и уже на второй день проводники сбились с курса. Пришлось останавливаться лагерем посреди пустыни. Вдобавок сказалось плохое кормление животных: за одно утро пали лошадь и верблюды. Поскольку лошадь была казенная, то, как доказательство ее смерти, китайцы отрезали у нее часть хвоста и пол-уха. Несчастья на этом не кончились: из-за отсутствия воды и кормов для животных продолжался падеж лошадей и верблюдов, запасы воды для людей были на исходе. Неизвестно, чем завершились бы приключе-

ния, если бы отряд не встретил у одного из источников караван, шедший в нужную сторону. Там нашлись два человека, согласившихся провести экспедицию к месту назначения.

К вечеру двадцатого дня этого тяжелого путешествия экспедиция добралась до поселка торгоутов (калмыков). В поселке для экспедиционеров был устроен небольшой, но настоящий пир. Насладившись едой и насытившись, они стали вспоминать пройденный путь. И... как свойственно, по-видимому, именно русским людям, он показался им каким-то далеким прошлым, хотя к торгоутам экспедиция прибыла только накануне. Дальше ехали по родной земле: ночевали теперь в русских избах, ели давно забытую русскую пищу.

Город Зайсан, куда они так стремились, получил свое имя по близлежащему озеру Цзай-Сан-Чор, из которого вытекает река Иртыш. Проживало в нем около 600 человек. В честь приезда путешественников горожане устроили вечером большое гуляние, да и вся неделя, проведенная экспедицией в ожидании становления санного пути, прошла как нескончаемый праздник.

Итак, путешествие завершилось. Китайцы вернулись домой, экспедиционеры тоже разъехались, чтобы в скором времени встретиться в Петербурге для подготовки отчета о русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 годах.

Список использованной литературы

Длужневская Г. В. Китай и его соседи в фотографиях русских исследователей и путешественников (по материалам фотоотдела Научного архива) / Г. В. Длужневская // Санкт-Петербург – Китай. Три века контактов. СПб., 2006. С. 85–105.

Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь / Е. И. Лубо-Лесниченко // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 352–371.

Пясецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 годах : в 2 т. / П. Я. Пясецкий. СПб., 1880.

China / ed. Garnet. [S. l.], 1993. 159 p.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

*к статье Г. В. Длужневской «Русская учено-торговая экспедиция
в Китай в 1874–1875 гг. в фотодокументах Научного архива
Института истории материальной культуры РАН»*

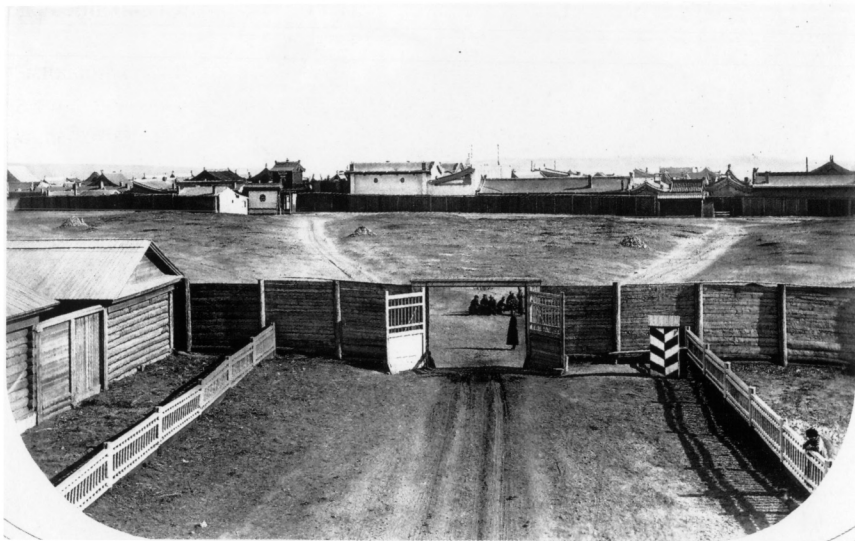

Рис. 1. Вид на русскую границу и город Маймачин

Рис. 2. Китайские купцы

Рис. 3. Китайские приказчики

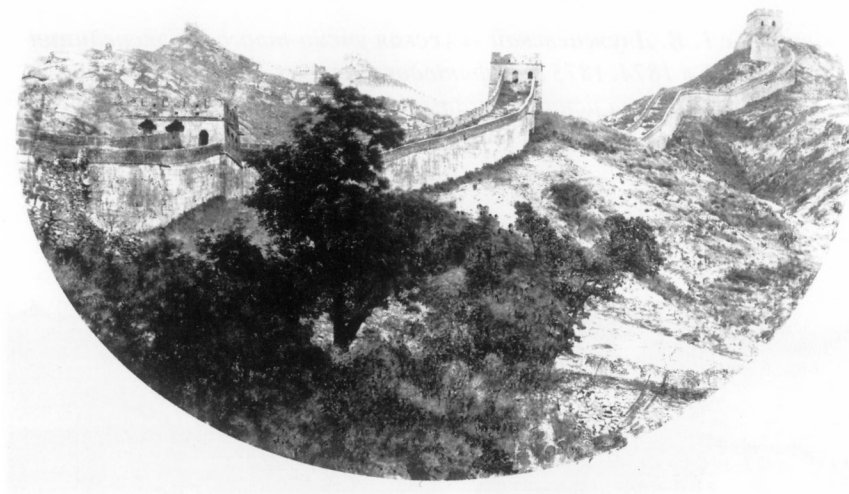

Рис. 4. Великая китайская стена. Такой ее увидели путешественники, следуя из Калгана в Пекин

Рис. 5. Русское подворье в северной части Пекина; 20 апреля 1715 г. в Китай были отправлены православные священнослужители, положившие начало основанию духовной миссии в Пекине

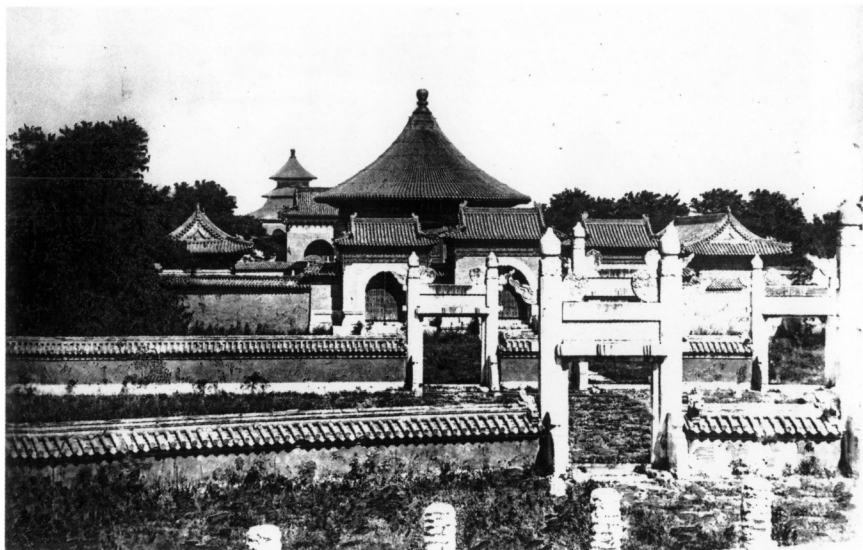

Рис. 6. Общий вид комплекса Храма Неба

Рис 7. Вид части верхней площадки Жертвенника Небу с пятью мраморными курильницами

Рис. 8. Группа обедающих. Рисовая каша с приправой из нашинкованной редьки, капусты или другой огородной зелени составляла основную пищу бедных слоев населения. Кулинарное искусство стояло на высокой ступени развития, и китайцы изощрились в нем до тонкости; они – любители поесть, и даже обыкновенное приветствие: «Здравствуйте» – могло быть заменено вопросом: «Кушали ли вы?»

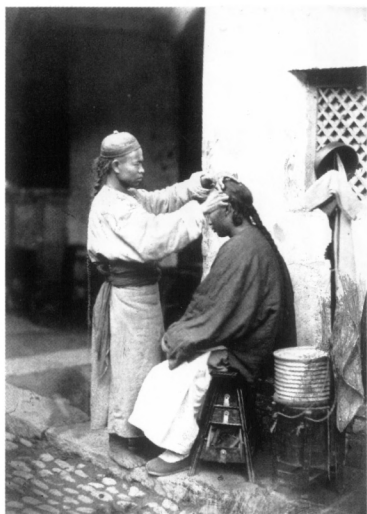

Рис. 9. Цирюльник. Особых парикмахерских заведений в Китае не было, поэтому бритье головы и чесание, а также бритье бороды производились, как правило, на улице, а также в харчевнях и трактирах

Рис. 10. Курильщики опиума. Несмотря на строгое официальное запрещение правительства, курение опиума было чрезвычайно распространено во всех слоях общества. Курили и старики, и молодежь, и даже малолетние дети

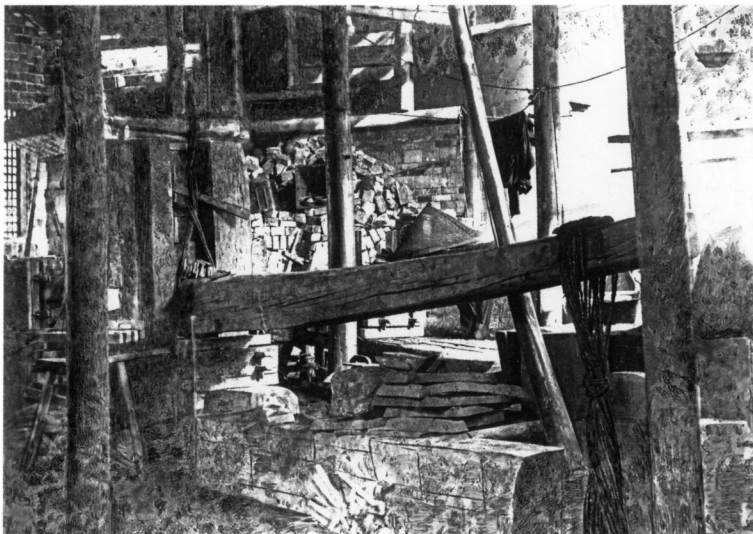

Рис. 11. Ручной пресс из толстого бруса и рычага для прессования чая в формах

Рис. 12. Прием и проба чая

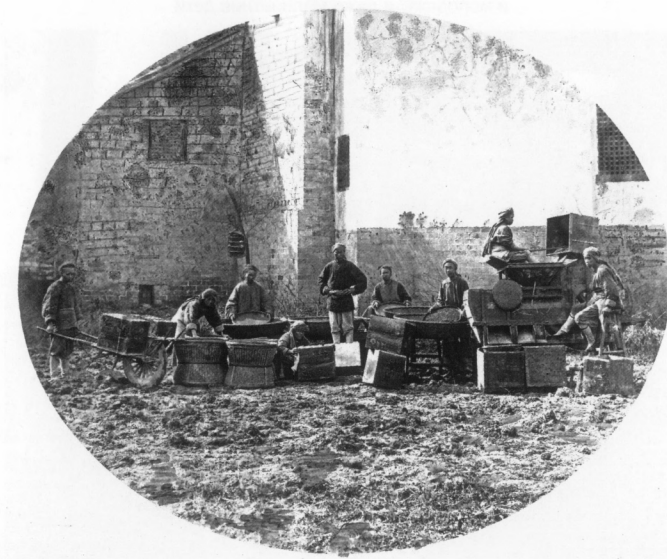

Рис. 13. Засушивание или поджаривание чая

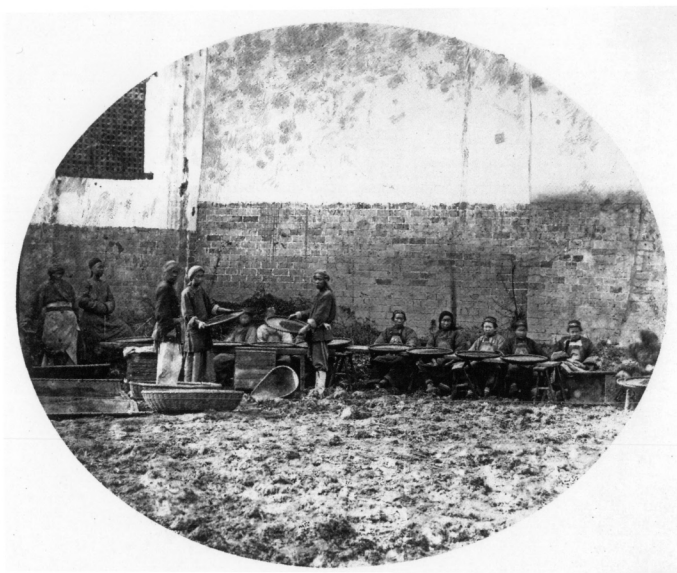

Рис. 14. Окончательная обработка байхового листа – просеивание через бамбуковые сита

Рис. 15. Фазы калечения женской ноги

Рис. 16. Речная канонерка для сплава военных транспортов и почетного конвоирования значительных чиновников. Канонерка оснащалась двумя или одной шестифутовой пушкой. Стреляли картечью и ядрами; при двух пушках команда состояла из десяти человек, а при одной – из восьми

Рис. 17. Водоподъемное колесо на реке Хуанхэ

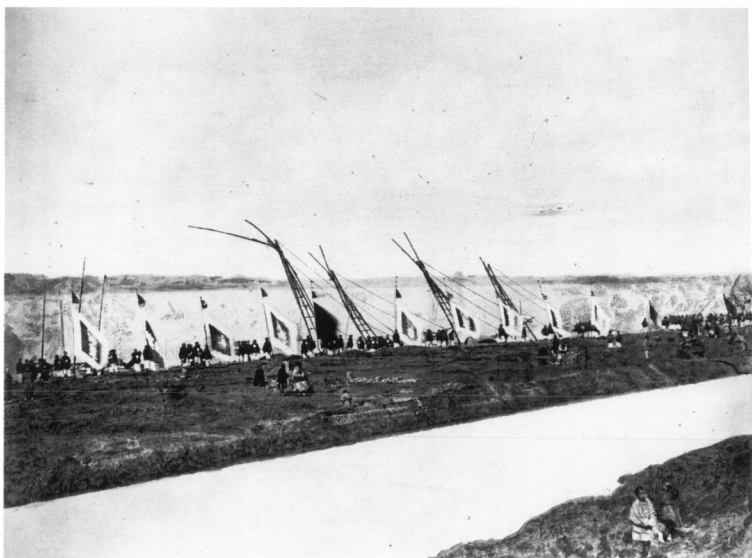

Рис. 18. Китайские войска. Китайская армия разделялась на знаменные войска: восемь «знамен», состоявших из полков монгольских, маньчжурских и собственно китайских, были расположены в окрестностях Пекина, а «зеленое знамя» размещалось гарнизонами по провинциям

Рис. 19. Великая китайская стена у Цзя-юй-гуани. Величественная каменная постройка с многочисленными башнями занимает лишь незначительную по протяженности часть стены. Большие участки ее имеют вид землелитного забора, полуразвалившегося от времени. Нелепость этого сооружения сознают сами китайцы, высмеивая стену во многих театральных пьесах

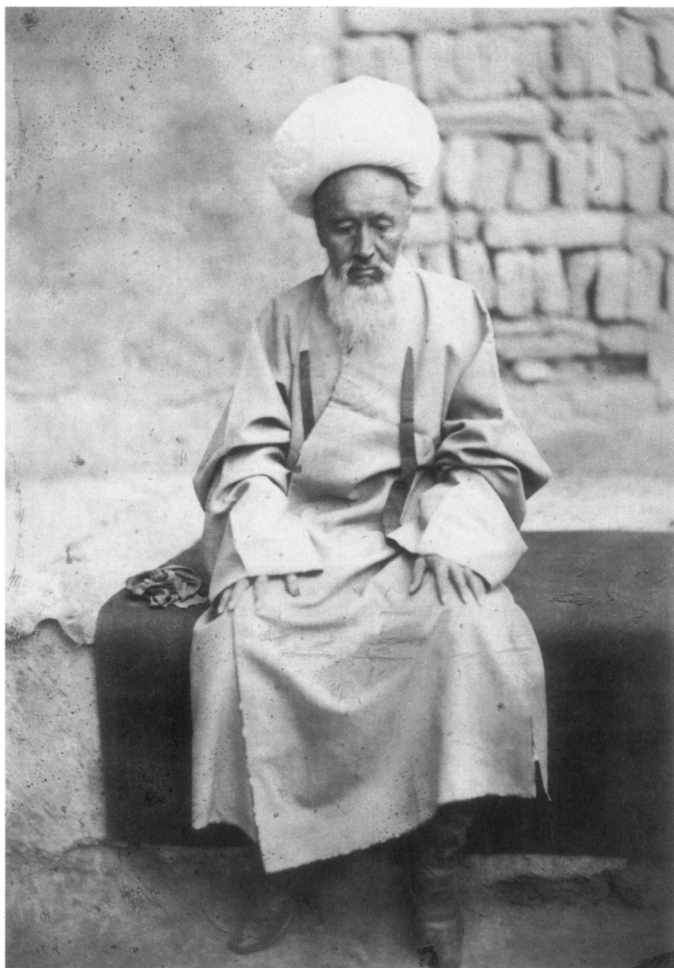

Рис. 20. Мусульмане Хами утверждали, что предки их вышли из Бухары, Самарканда и Алтышара. В образе жизни, нравах и обычаях они сохранили свои национальные особенности, представляя резкий контраст с мусульманами внутреннего Китая. Изображенные на снимках городской ахун (первостоятель в общественных молитвах) и его

жена одеты в костюмы, почти не различающиеся по покрою. У обоих – шарообразные шапки с кистью, как бы сотканые из золотого шнура, обыкновенного татарского покроя халаты с галуном или шелковой обшивкой и сафьяновые сапоги с галошами, расписанные узорчатыми разводами

Рис. 21. Город Гучен (Джунгария). На заднем плане видна гряда Тянь-Шанских гор со знаменитой Богдо-олой